

О ФИЛОСОФИИ ВЫБОРОВ: СТОРОННИЙ ВЗГЛЯД*

***Аннотация.** Данная часть работы в значительной мере посвящена существующим и возможным взаимоотношениям и взаимодействиям акторов социального пространства. Речь в ней ведется в том числе о содержании и сути политической легитимности, влиянии электоральных процессов на правовые возможности власти и государства. Существенное внимание уделяется значению выборов в различных сферах и их участию в эволюции ментальности. С некоторых, в частности, с электоральных позиций рассматриваются вопросы ответственности как в частном и локальном, так и в глобальном восприятии. Автор, исходя из логики выборов, предполагает, что одним из явлений, находящихся во главе «избирательного угла», выступает доверие сторон, участвующих в выборной кампании. Анализируя роль интересов в электоральном процессе, он приходит к выводу, что какими бы они ни были антагонистическими и противоречивыми, в выборном поле для интересов любого свойства есть место для компромисса. Особое внимание уделяется гражданскому обществу, как одной из фундаментальных основ демократии, на которой могут формироваться базовые принципы общественного согласия.*

***Ключевые слова:** выборы, доверие, значение выборов, востребованность, необходимость, избиратель, гражданское общество, ответственность, власть, государство, электорат, демократия.*

ON THE PHILOSOPHY OF ELECTION: AN OUTSIDE VIEW

***Abstract.** This part of the article is largely devoted to the existing and possible relationships and interactions of actors in the social space. Among other things, it deals with the content and essence of political legitimacy, the impact of electoral processes on the legal capabilities of the authorities and the state. Considerable attention is paid to the importance of choices in various spheres and their participation in the evolution of mentality. From some, including selective, positions, the issues of responsibility are considered both in private and local, as well as global perceptions. Based on the logic of elections, the author suggests that one of the phenomena at the head of the «electoral corner» is the trust of the parties participating in the election campaign. Analyzing the role of interests in the electoral process, he comes to the conclusion that no matter how antagonistic and contradictory they may be, there is a place for compromise in the electoral field for interests of any kind. Particular attention*

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович — кандидат политических наук, г. Москва

* Окончание. Начало см.: Гражданин. Выборы. Власть. 2025. № 3, 4; 2026. № 1.

is paid to civil society as one of the fundamental foundations of democracy, elections, on which the basic principles of social harmony can be formed.

Keywords: *elections, trust, importance of elections, relevance, necessity, voter, civil society, responsibility, power, state, electorate, democracy.*

Ничто, соединяясь с ничем, ничего не рождает.

Луи-Рене Дефоре

В том, что выборы — это основа *политической легитимности*, вряд ли можно сомневаться. Политическая легитимность, которая еще недавно была вопросом божественного уровня, — дело более чем серьезное. И в принципе, и в общем, и в целом она определяет как содержание и суть, так и характеристику государства и власти. Следовательно, то, *на чем она зиждется*, то есть выборы, по логике вещей можно относить к той категории факторов, которые принято считать главными и первостепенными. С данной позиции и со всех точек зрения (чтобы дать выборам полномасштабную и учитывающую максимальное число обстоятельств и моментов оценку, необходимо исходить из *всех возможных ракурсов* — здесь субъективное наблюдение столь же значимо, как и процедурные основания), и избирательная кампания, и голосование должны быть безупречны настолько, насколько это возможно. Суть данной мысли в том, что для *обеспечения честности и чистоты* выборов внешний — мировой, международный и межгосударственный — контекст так же важен, как и внутренний — общественный, политико-экономический, культурный и ментальный. Понятно, что мы ведем речь о том, к чему нужно стремиться; пока недостижимы *объективные выборы*, политическая легитимность останется ущербной, неполной и, соответственно, хромящей на одну ногу, а может быть, и на две.

Так как объективные выборы невозможны по определению, то разумной цивилизации придется подождать и с абсолютной легитимностью, по крайней мере до того времени, пока люди не придумают более беспристрастное во властно-управленческих вопросах средство выявления лучших своих представителей. На сегодня (на завтра, послезавтра, скорее всего, и на после послезавтра) *выборы заменить нечем*. Чтобы они стали идеальными — честными и чистыми, из их глубинного контента нужно изъять не только всю политику, вмержшую во все его внутренности, но и всё субъективное, то есть всё психологическое, эмоциональное и большую часть интеллектуального. Конечно же, ничего из этого добиться не удастся — значит, выборы как были и есть, так и останутся тем *единственным (при этом неидеальным) инструментом* демократической формы правления, который гарантирует последней главное в ее содержании — *функции и свойства народовластия*. А это говорит об одном: востребованность выборов не только как средство формирования власти, но и как *точка соприкосновения, соединения, согласования и договоренностей* государства и общества будет только расти [см. 1].

Может быть, не завтра, но всё же в скором времени принцип «выборы состоялись — забудьте» перестанет работать. К этому ведет всё, в том числе образовательные процессы, основывающиеся на кардинально ином фундаменте, — в частности на новых компьютерных технологиях и общедоступности в первую очередь информации, а далее — и знаний. Во все времена, что выборы существуют, они имеют *большее отношение* к своим организаторам — государству и власти, чем к обществу и человеку, хотя тот же избиратель, в момент опускания бюллетеня в ящик для голосования или так или иначе осуществляя свое *волеизъявление*, представляет далеко не одного себя. Если начать перечислять снизу доверху (при этом нельзя забывать, что здесь *место нахождения* в общей для индивида градации *определяет значение объекта*, перед которым *далеко не в первую очередь* наличествует личная обязанность), то избиратель, голосуя и при этом выступая от своего имени, *исходит из ответственности* перед своей семьей, родом, референтной группой, тем или иным сообществом, социумом и даже перед государством. Разумеется, не в прямом и непреклонном смысле слова, а в опосредованном и косвенном, но практически всякий раз, определяясь с собственным волеизъявлением, он несет *ответственность*.

Дисбаланс в электоральной картине возникает по той причине, что в ней власть — представитель государства — ответственна перед народом (электоратом) только в определенной мере, так как она, во-первых (именно так), *блудет свои интересы*, во-вторых, *отвечает* не столько перед обществом, как хозяином всего социального пространства, сколько *перед непосредственным работодателем*, то есть государством. В то же время источником ответственности избирателя (и электората в целом) выступает и в общем, и в частности, но в преобладающей степени, только социум. И это — по определению (можно сказать, естественным образом или по природному замыслу), поскольку индивид в большинстве ситуаций (неважно в какую очередь) отталкивается от своей *глубинной аксиологии*, а значит, наиболее значимой *системы внутренних ценностей*. Это — не идеал, а *данность*, пренебрежение которой, как правило, чревато последствиями.

Проблема в том, что для власти выборы имеют одно — *преходящее, временное, быстрое* — значение, а для общества (населения) существенно иное, притом и по актуальности, и по перспективам. Но этот сдвиг настолько же очевиден, насколько и преодолим. Хоть он и выглядит, и является моментом и точкой деструкции, очень редко (и такое бывает) выступает источником негативного развития событий. Как бы *висит в воздухе*, в своем воздействии на общественное, государственное, политическое и экономическое пространство, ограничиваясь тем, что время от времени и по-разному *напоминает* о себе. Этому есть веское в своей обоснованности, аргументированности и рациональности объяснение, заключающееся в том, что *дисбаланс*, о котором идет речь, *уравновешивается* наличием *доверия* между, с одной стороны, государством и властью, с другой — обществом, а значит, и электоратом.

А доверие может быть только *бинарным*, — ни в какой иной вариации на каком бы то ни было уровне (включая межличностный) оно долго не живет. В нашем случае *доверие* государства, соответственно, и власти к обществу, *дополняется и становится действенным доверием общества к обозначенным акторам*. Разумеется, оно разное: социум доверяет государству и власти *по одним причинам и исходя из одних резонансов*; доверие государства и власти обществу базируется на другой, если не принципиально, то *существенно иной этиологии*. При этом обе стороны *отдают себе отчет* (не обязательно сознательным образом, зачастую это происходит на уровне подкорки и инстинктов) в том, что именно доверие в своей *исключительно обоюдной* версии представляет собой одну из фундаментальных основ как их восприятия друг друга, так и взаимоотношений.

Здесь надо помнить еще об одном — более чем значимом моменте. Исходя из очевидных обусловленностей, содержащихся во взаимозависимости государственной системы правления и общества, эти стороны — каждая со своей позиции — *по логике жизни ответственны* за обеспечение *взаимного доверия*. Социум — за *свое* доверие к государству и власти, а последние — за *свое* доверие к социуму. Но и это не всё. Каждая из сторон ради собственного благополучия должна *добиваться* доверия своего, скажем так, визави, хотя как этим, так и многими иными терминами сложно трактовать взаимоотношения акторов социального пространства, которые в одних случаях носят *партнерский*, в других — *рабочий*, в третьих — *взаимозависимый*, а далее — *экзистенциальный, относительный, конвенциональный, контрактный, договорный характер*. Притом не только случаев бывает огромное количество, но и этапы, стадии, фазисы, периоды, формации могут быть весьма разными, не говоря о сложности и множественности факторов, элементов, деталей и подробностей этих взаимоотношений.

Иначе никак. *Значение доверия* на одном лишь уравнивании не заканчивается. Оно играет роль некоторого рода внутреннего (а может, и глубинного) *защитника*, выступая то *опорой и амортизатором*, то *протектором и балансиром*, то *фоном и контекстом*, а главное, своим *наличием* и постоянным *присутствием* в том числе и всё это, включая защитные функции, детерминирует, порождает и создает. Возможно, одно из наиболее определяющих свойств доверия заключается в том, что оно и формируется на тонкой грани, и состоит из малоизученных и малопонятных функций и обстоятельств, все представления о которых происходят из его действительности.

От многих явлений, составляющих людскую реальность, доверие *отличается* тем, что, независимо от своего уровня, масштабов, охвата, занимаемого положения, *уходя, как правило, уходит*. И таким образом, как в межличностных отношениях, так и во всех функциональных сферах, к которым можно отнести и в целом общественное пространство, и электоральное поле, *заставляет себя ценить*. С учетом его значимости можно сказать, что после ухода доверия на его месте почти во всех случаях остается если не пустота,

то *зияющий котлован*. Примерно так, как у выборов, у него *нет никакого заместителя*. Отличие одно: выборы на каком-то грядущем этапе могут быть кардинально изменены, трансформированы, а то и заменены на более функциональную и менее субъективную опцию по формированию власти, а доверие в своих перспективах может соотноситься разве что с вечностью.

Народы, построившие внутренние взаимоотношения *на доверии* (на всех возможных уровнях; в том числе и с властью, государством, а когда получается, во внешних — международных — сношениях), особенно те, кому удалось сохранить его *в более или менее подлинном виде* в собственной бытийности, мало того, что по большому счету во всех случаях *выигрывали в исторической ретроспективе*, но и по сей день, по крайней мере по многим показателям, числятся *в передовых сообществах*. Исходя из этого можно предположить, что в содержании всего выборного дела — в избирательном процессе и избирательной практике — значение доверия невозможно переоценить. Особенно в том понимании, что оно как действует и функционирует, так и оказывает влияние *в пролонгированной, растянутой во времени форме*. Говоря по-другому, *наличествуя, сохраняет* свое воздействие на всё течение предвыборных, межвыборных и послевыборных процессов. Разумеется, не в каком-то стандартном виде, а всякий раз по-разному, но в своем присутствии обладает *особым эффектом* влияния.

Как и большинство ментальных явлений, доверие — самостоятельно и самобытно, к *вере и доверчивости* имеет исключительно лингвистическое — этимологическое — отношение; практически всем *доступно*, хотя и растет *только на собственной почве, в своем климате и наличии особого воздуха*. На его территории нет места как самой лжи, так и ее разновидностям вроде популизма, всяких политических, психологических и других не менее деструктивных технологий. Отличается *своего рода многофункциональностью* — способно *начисто дезинфицировать* общественную, культурную и экономическую почву, *обеззараживать* политическую и социальную атмосферу. Действует рука об руку *с необходимостью и востребованностью* (обычно с их крайними формами) — само не приходит, но никогда не отказывается от сотрудничества. Достичь взаимного общественного доверия искусственным образом, то есть через воспитательные, образовательные, политические или иные, более изощренные методики, невозможно. В то же время оно *может возникнуть* (зачастую на какое-то время, но бывает, и надолго) под воздействием какого-либо, необязательно положительного, исторического события — *общая беда, глобальная катастрофа, масштабная и всеохватывающая безысходность* могут привести к созданию или расширению пространства доверия.

В электоральном поле доверие обладает *специфической в своей множественности значимостью*. Именно оно определяет чистоту, честность и, соответственно, прозрачность избирательного процесса, по отношению к которому действует как *великий очиститель*, исключая как *корыстную*

и корпоративную, так и в целом *политическую суть* выборов. При этом мирно уживается с их *субъективным и психологическим* содержанием. Не является открытием идея о том, что всякая, в том числе политическая (достижимая лишь посредством электоральных процессов) *легитимность* определяется доверием. Не случайно, что в большинстве демократий именно с данным видом легитимности дела не особо складываются. А поскольку практически вся остальная легитимность — не только законность обыденного или масштабного порядка, но и конституционность — основывается на *политической легитимности*, то глобальные противоречия только преумножаются.

При демократиях на данной точке *сталкиваются и объединяются во-едино* (практически в некий ментальный альянс) *логика выборов* и *логика доверия: первая в своих значениях* (и в общем, и в частности) для социума в целом, электората, избирателя, гражданского общества, а также для власти, государства и государственности, а *вторая — как детерминант* всех этих и множества иных не менее важных значений. Это свидетельствует о том, что при наличии доверия, порождающего специфического рода для актуальной реальности *приоритеты, смыслы, понятия и даже компетенции*, можно говорить *об одних выборах*, а при их отсутствии — *о других*, притом существенно и кардинально, а то и полярно других.

В пространстве социума выборы выступают как *элемент человеческого бытия*. Едва ли их можно относить к определяющим факторам, но они довольно значимы и располагаются если не в первом, то точно во втором ряду источников *позитивных людских ожиданий*. Здесь нужно учитывать *одиночество социума* (оно сопоставимо разве что с одиночеством государства), которому в преобладающем большинстве жизненных ситуаций *не на кого рассчитывать* и даже не с кем делиться своими проблемами. Случаев, когда между социумом и государством (соответственно, и властью) существует доверие, *исключающее это одиночество*, не так много, хотя и в них не всё гладко.

И тишь, и благодать во взаимоотношениях акторов, имеющих разные интересы, могут присутствовать в мечтах и фантазиях одной из сторон, которой, как правило, выступает *социум*. Не то что бы государство в этом не нуждается из-за того, что *стабильность* (особенно в благоприятном понимании) способствует появлению дополнительных запросов, просто властные структуры могут обойтись и без близких взаимоотношений с социумом (*ключи от всех замков — и внутренних, и внешних — находятся у них*). Также безо всяких сожалений они бы *обходились* и без выборов — не потому, что начиная с определенного момента, достигнув той или иной карьерной высоты, считают их *обузой и излишеством*. Дело вовсе не в этом. Возможно, сравнение не совсем корректное, но преступник, всю свою жизнь занимающийся правонарушениями, оказавшись на скамье подсудимых, всякий раз рассчитывает, в первую очередь, на закон, а затем — на благосклонность и милосердие правосудия. Примерно так же люди, наделенные народом высокими должностями и мандатами на вынесение решений,

сразу после этого забывающие обо всех своих избирателях, в период выборов активизируются в расчете на *короткую память* электората. Есть еще *формальные моменты*, связанные с особенностями демократии (опять же легитимность и т.д.), которые вынуждают власть отвлекаться от своих важных дел на электоральную проблематику.

Здесь в очередной раз возникает, мягко говоря, *дисгармония* между интересами власти и социума. Если уж не получается избегать выборов, то власть делает всё возможное (при этом в отношении избирательных вопросов она всякий раз действует в условиях *ограниченных ресурсов*, не только при нехватке доверия, но и находясь в цейтноте), чтобы они состоялись *по ее правилам, в ее интересах*, а еще лучше — при *ее* более чем *непосредственном участии*. Социумом движут *иные принципы*. Его интересы требуют, чтобы избирательные кампании проходили в рамках определенного *компромисса*, — по *государственному закону* (при этом зная, что закон практически всегда имеет множество пробелов и лазеек) и при соблюдении *моральных правил*. Он ждет от выборов справедливости и новых возможностей, в круг которых входят как общее благополучие, так и развитие и эволюция.

Для социума *необязательно*, чтобы эти задачи так или иначе — с большей или меньшей точностью — были сформулированы и выдвинуты в качестве требований, манифестов, запросов, программы или чего-то еще, поскольку *в его восприятии* все названные и многие неназванные ожидания *естественны*, если не сказать *природны*. То есть и власть, и государство и так (по умолчанию) *должны понимать* уровень потребностей социума, более того — *уметь детально разбираться* в их содержании. В частности, власти в его ментальном и масштабном представлении *отведено особое место*. Она, на каком бы расстоянии (в лице власть предержащих) ни располагалась по отношению к социуму и за какой бы ширмой ни скрывалась от общественных проблем, — составная часть общества. По крайней мере, народ воспринимает ее *своей*.

Демократию делает лучшей формой правления не то, что она *как бы открыта* (в реальности, демократия не менее закрыта, чем монархия и диктатура хотя бы потому, что она — власть), а ее договороспособность и умение общаться (не только с другими демократиями, но и с собственным обществом) на том или ином, но всякий раз на равном уровне. Рассуждая с данной позиции, можно определить выборы в том числе и как *средство сначала уравнения, а затем — общения*. Возможно, это — одна из главных характеристик демократии, придающих ей черты или даже свойства народовластия. Получается, что *субъективные* со всех допустимых точек зрения выборы, *основывающиеся на множестве интеллектуальных, психологических, эмоциональных моментов, восприятий, пониманий, осмыслений, осознаний, желаний, потребностей, отношений и других действенных, самодостаточных и сущностных деталей и элементов*, способны проложить дорогу к *объективной* по своим сути и содержанию демократической власти. Разумеется,

не в одиночку. Сложно сказать, что́ здесь должно встать рядом с выборами в качестве важнейшего партнера, но на данном этапе истории, пока *союз социума с государственной системой управления* (как в локальном, так и глобальном смысле) не столь очевиден, а во многих частностях и вовсе не просматривается, для них *лучшим помощником* представляется опять же доверие.

Исходя из того, что *доверие* такое же, а может быть, и *более субъективное* явление, чем всё то, что в той или иной мере касается выборов, то более эффективным инструментом демократизации могло бы выступить *рацио*, то есть «голая» *прагматика*. К сожалению, на сегодня обстоятельства сложились так, что последняя почти полностью (со всей функциональностью и эффективностью своего «хозяйства») находится *по ту сторону* линии, отделяющей мировое сообщество от сильных мира сего. Это — еще одно *утупение социума*, которое при желании не так сложно наверстать. В то же время, по крайней мере в современном мире и в нашей реальности, *прагматика* к электоральным делам *особого отношения не имеет*. Конечно, она занимает весьма важное место в общественном арсенале, но, скорее всего, ее время еще не пришло.

Прагматика (как и в целом *рацио*, которое только в некотором восприятии может означать разум или здравый смысл) *опирается* на слишком большое количество предельно рациональных факторов, чтобы *быть применимой* к субъективности. Поэтому и в упомянутом арсенале она хранится, скажем так, про запас. К месту было бы напомнить, что похожих орудий и инструментов действия, а тем более воздействия у общества (народа) более чем достаточно. Не случайно в границах людского мира она *сравнима с одной лишь природой* и ни с чем больше. Думается, при оценке демократии в ее *полноценной* — *народовластной* — версии и выборов в их *подлинном* варианте, чтобы не ошибиться и ненароком не завести то или иное сообщество в не совсем те дебри, нужно исходить исключительно из данного обстоятельства.

Прежде чем вернуться к вопросу о значении выборов для различных акторов общественного пространства, было бы уместно поговорить о занимаемом ими месте в контексте *гражданского общества* (скорее всего, оно будет сформировано под другим названием, а возможно, таким, что человечество его не сразу распознает). Откровенно говоря, это — настолько обширная тематика, что в данном нарративе ее можно только коснуться и не более того. Начнем с того, что, несмотря на единое происхождение и соответствующее внешнее сходство, *общество* и *гражданское общество* сильно *разнятся* между собой по определяющей — *внутренней* — части. Они, конечно же, жители одной планеты, но гражданское общество от общества *отличает* в первую очередь *расстояние*, притом не временное или пространственное, а *эволюционное*. То есть, общество о том, что из себя может представлять гражданское общество, *не способно даже помышлять*. Общего между ними

предостаточно, но это мало что решает, так как *их различие* заключается ни в каких-то отдельных факторах, а *в сути*.

Если быть конкретным, то можно сказать, что *разница между ними возрастная*. В сравнении она выглядит так: *общество — ребенок, а гражданское общество — взрослый*, притом и то, и другое в прямом смысле слова. Вернее было бы, опираясь на правовые моменты, сформулировать данную мысль иначе (например, *общество — это сообщество субъектов, а гражданское общество — единый субъект*), но аллегория с ребенком и взрослым нам представляется более информативной и содержательной. Соответственно, *выборы в условиях общества* и *выборы в рамках гражданского общества* обладают разной действенностью. Своим демократическим значением общество порождает одни ценности (в максимально широком восприятии), а таким же, но в сочетании с гражданским — другие. А это указывает на то, что при обществе к государству и власти предъявляются *одни требования*, и от них требуются *одни качества*, при гражданском обществе — *другие*.

Эти рассуждения на данном историческом этапе могут напоминать некие фантазии на вольную тему. Но очевидным образом складывающаяся *глобальная ситуация* говорит, с одной стороны, о возможном *уходе* общества с мировой арены (его время проходит), с другой — о *наступлении* (можно было сказать о возникновении или создании, но, как необходимость, оно может только наступить) гражданского общества. Здесь важно принять во внимание и даже полагаться на реальную предпосылку о том, что гражданское общество — это *огромный труд* для одних и *масштабная опасность* для других, более того, места, занимаемого ныне обществом, ему будет недостаточно, следовательно, с его приходом множество как явлений, так и факторов *вынуждено будет покинуть* социальное пространство. Одно не просто заменит другое, оно *займет свое место*.

Здесь дело не в чьих-то инициативах или желаниях, а большей частью в том, что *логика времени* всё настойчивее требует *масштабной трансформации*, внутри которой *выборам уделено особое место*. Если в современных условиях выборы в значительной мере являются *делом* (если быть откровенным и более точным, то *бенефитом*) государства и власти, то при обозначенных изменениях выборы естественным образом окажутся под компетенцией гражданского общества.

Актеры общественного пространства *вряд ли поменяются местами* — в скором времени или даже в обозримом будущем этого ожидать не стоит, так как государство, а вместе с ним и властные структуры еще долго будут сохранять свои функции. Это означает, что в смысле градации и ранга позицию общества займет гражданское общество. Вероятнее всего, у последнего возможностей станет существенно больше [см. подробнее: 2]. А это приведет к тому, что *электоральное поле расширится* до пределов всего социального пространства, соответственно, выборы обретут, во-первых, *самостоятельность*, став *делом людей*, а не структур, во-вторых, *весьма высокое значение*.

Да, всё изложенное — вопрос будущего времени, но, как обычно случается в ситуациях ожидания, цивилизации уже сегодня необходимо действовать так, чтобы оно (будущее) *наступило, а не нагрязнуло*.

В условиях современного общества выборы имеют одно — не сказать, что устраивающее всех, но всё же практически консенсусное — значение, которое одного важнейшего глобального актора (государство) *устраивает*, а другому (социуму) *не оставляет* (и тут без каламбура не обойтись) *выбора*. Потому и первый из них, *обладая* практически бескрайними возможностями в своем монопольном правлении *всем и вся*, воспринимает электоральное поле как *территорию собственных интересов*, а второй, судя по всему, *рассчитывает*, в одних случаях, на *добрую волю*, в других — на *эволюцию*.

Это особенно хорошо видно на примере *так называемых* состоявшихся демократий, которые как бы прошли дорогу демократизации до самого конца, достигли ее вершины, то есть идеала, и могут быть образцом для стран, всё еще по ней бредущих. И в этой ситуации «образцовые» государства (как и «начинающие») *используют выборы* в качестве элемента «фасада» — в основном как *некое свидетельство* принадлежности к демократии. Говоря иначе, лицемерят. И совсем не против того, чтобы и другие лицемерили. Для них выборы — это в существенной степени *лирика* демократии, — то, чем можно *оправдать или прикрыть* свою *антинародную и антиобщественную* суть. Так как именно «состоявшиеся» демократии выступают *законодателями политической моды* (в очень широком смысле), то остальному миру больше *не на кого ориентироваться*. В итоге одни демократии бомбят других, третьи под видом дипломатии строят козни в отношении четвертых, пятые пережидают одну волну за другой в расчете на то, что следующей не будет (и это всё в прямом смысле слова), и так далее. В *густой и почти непроглядной тени* всего этого разумная цивилизация вступает в свое *очередное средневековье*.

Таким образом, значение выборов, а где-то и самой демократии *сводится если не к нулю, то к минимуму*. То есть, мировое сообщество, потратив века и тысячелетие на то, чтобы *придумать, изобрести и запустить в действие* глобального масштаба средства управления, которые могли бы и всё еще могут стать мостом к человеческому самоуправлению, *позволяет* собственным производным (неважно, какому из них в первую очередь, а какому — во вторую) использовать их в качестве *подручных инструментов* во имя решения *мизерного уровня частных задач*. Здесь проблема в том, что оно (мировое сообщество) сотворило все названные средства для собственного применения, но в определенный момент передало их, как ныне говорят, а нередко и делают, *в аутсорсинг*, то есть уступило место за «рулем» нанятым «водилам», вообразившим себя, да и представляющимся квалифицированными «менеджерами».

«Всё проходит, и это пройдет», — гласит древняя мудрость. Так и есть. Но проблема в том, что *на прохождение требуется время*, а это всякий раз — *сроки жизни людских поколений*. Ни демократию, ни выборы нельзя

относить к обыденным факторам, — они, особенно в содружестве и рука об руку, способны не только *трансформировать реальности*, но и *создавать* ту самую желаемую *действительность*, которая на сегодня *кажется утопией*. *Потенциала демократии* достаточно, чтобы провести в целом мировое сообщество, отдельные государства, этносы, народы и даже локальные людские группы и коллективы через всевозможные перипетии эволюции. Более того, в своем обладании множеством внутренних факторов и источников развития она способна на внешнее переформатирование и глубинную трансформацию людского рода на случай тех или иных вызовов времени. В соединении с *ресурсами выборов* ее возможности могут быть преумножены так, чтобы использовать *интеллектуальные и физические резервы как человечества, так и отдельных сообществ* на благо мировой цивилизации.

Возможно, подобные рассуждения кому-то покажутся смесью заумствования с морализаторством. Но в том-то и дело, что, в отличие от новоявленных антигуманных идеологий и технологий, рассмотренных в предыдущей части данной работы, ни то, ни другое не преграждает дорогу к истине. Особенно, когда дело касается *подлинных выборов* и действительного, а значит, *действенного народовластия*. Надо учесть (а это обстоятельство нельзя не учитывать), что замечаем мы того или нет, но за последние пару веков (может быть, меньше, а может, и больше) цивилизация сменила *не столько уровень* своего развития (хотя и этот момент очевиден), *сколько плоскость*.

В фактологии реальности одним из важных моментов является то, что *всемогущий бог* в прежнем понимании сходит (а где-то и вовсе сошел) с политического, а вслед за ним и с общественного пьедестала. Довольно давно почти *нет божьих помазанников* и, что не менее значимо, *нет божьего страха*. В книге «Утешение философией» [см. 3] Боэция (родился около 480 г. — казнен в 520 или в 526 г.), написанной им в заточении в ожидании казни, речь идет о *благ*, — так там обозначается Бог. Джамбаттиста Вико (1668–1744) в огромном трактате «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) [см. 4] на каждой странице по несколько раз обращается к Провидению, то есть опять же к Богу. Ныне о Боге упоминается разве что всуе, — о нем продолжают твердить только профессиональные посредники от религий, застрявшие то ли во времени, то ли в самих себе, но даже они больше произносят речи и вещают, чем говорят. Пророков, как посланников Бога, нет давно. На их пустующие места засели официальные представители еще более официальной церкви, в лоно которой пробралась вездесущая политика. Да так, что от самих религий осталась одна лишь формальная атрибутика. Можно только предположить, что политика посулила так называемым божьим домам, выступающим от имени самых разных конфессий, но в них теперь хозяйничает только она. Вплоть до того, что даже в ожидании мессии (для одних бога, для других — очередного пророка) политики больше, чем веры; *священные книги* полностью не переписываются только потому, что *пока* это не входит в сферу ее интересов. Изложенное в этом

абзаце говорит об еще одном контексте, который пытается конкурировать с другим контекстом, состоящим из густой смеси *невежества и цинизма*.

Ведь в принципе не осталось практически никого, кто *по-настоящему верит* в то, что миром управляет Бог. В то же время и заменить его нечем и нечем. Конечно, ситуация временная, — человечество в данном смысле достаточно сообразительно; скорее всего не быстро, но всё же обязательно оно найдет замену и «старому» Богу. Вроде бы претендентов хватает, но если отбросить тех из них, которые в большей степени изображают нечто, чем являются, то оставшихся раз-два и обчелся. В своей абстракции на место бога могло бы рассчитывать *государство*, но это, если исходить из его *отношения к обществу и с обществом*, не тот случай, когда стерпится-слубится. А оно не вышло ни биографией, ни внутренним содержанием. Можно было всеобщим идиолом объявить *демократию*, но у нее явный самоотвод: во-первых, слишком действенна, чтобы *ходить в идолах*, во-вторых, у нее *другой функционал*. Вполне допустимо (по крайней мере в сложившейся ситуации), что придется отдать степень всемогущества *закону*, а еще предпочтительней — *конституции*, которая *по своей умозрительной сути* ничему и никому не уступит (значит она так же абстрактна, как государство, а в чём-то и как бог). Пока положение такое, что явно что-то за чем-то не поспевает, — то ли демократия за властью, то ли разум за тем, что вообще называется формой правления.

Человеческая психология, опирающаяся на *сознание и эмоциональную сферу* и, одновременно, *исходящая из разных уровней разума*, такова, что ей не совсем уютно без *веры и надежды*. Временами, не найдя ответов на свои вопросы в *рациональном мире*, она уходит в *трансцендентность*. Еще долго (можно сказать вечно) так будет, поскольку глубинное содержание (защитная основа в том числе и психики) индивида не может *не доветь* над ним если не во всех, то в определенных ситуациях. Следовательно, усиленными темпами изгоняемый из людской сути Бог *далеко не уйдет*, хотя *политика вокруг пандемии COVID-19* показала, что *встать над всем*, что составляет людскую бытийность, *включая и государство* (впрочем в данном вопросе исключений не было даже в отношении как бы святых институтов), которое — притом со всеми своими возможностями, в том числе никому больше не доступными монопольными — в то долгое в своей неоднозначности и непонятности время в одночасье превратилось в подручное средство то ли глобального олигархата, то ли мировой корпоративной системы, могут и интересы. А если быть *честным в первую очередь перед собой*, то придется признать, что в пору пандемийной аферы *и Бог был отодвинут* в сторону.

Соответственно, искать в религии защиту, как в очередной (*три тысячи пятьсот восемьдесят девятый*) раз показала пандемийная практика, не то что бы бессмысленно, скорее, если существует хоть какое-то понимание о ее содержании и, особенно, интересах, неразумно. А понять следует то, что *всякая религия* (от мала до велика, то есть как официально признанные

конфессии, так и всевозможные секты) представляет собой сначала — на заре своего развития — *идеологию*, а затем — когда встает и обретает хоть какую-то силу — *управленческую* (в прямом смысле слова) *систему* {кстати, может быть, не первым, но точно одним из первых о том, что любая развитая религия, достигшая общественного уровня, — это политический порядок, догадался римский император Константин I (272–336 или 337), запустивший христианство в качестве главной конфессии в пределы своей империи}. Из данного обстоятельства вытекает вполне очевидный вывод: нерезонно сомневаться в том, что системе выгоднее, удобнее, сподручнее и целесообразнее *строить отношения и взаимодействовать с себе подобными*. Подобного рода перцепции подсказывают, что при всей своей иррациональности религиозная вера присутствует в людской бытийности как необходимость. Но при этом, с одной стороны, она логична, с другой стороны, любые контексты (в том числе конфессиональные) временны.

Важно помнить не только индивиду, обществу, корпорациям, власти, государству, но и любой из религий, что, *из чего бы ни исходил человек в обыденных действиях*, в конечном счете он основывается на *собственных инстинктах самосохранения*, целиком и полностью состоящих из *рациональности*. Говоря по-другому, всё *алогичное и непостижимое* во всех случаях той или иной более или менее значимой опасности находится во *втором, третьем или в каком-то еще ряду* восприятия. При этом именно в своей *рациональности* демократия *совпадает с человеческой сутью*. Возможно, это обстоятельство предопределяет *ее долголетие*, а если исходить из того, что она способна как на развитие, так и на эволюцию, то (возможно, в несколько иных, чем вчера, сегодня и завтра, проявлениях, форматах, контенте и т.д.) — *вечное пребывание на земле*. Другое дело, что *в нынешней своей версии*, кстати, весьма *продвинутой с технической и технологической точки зрения*, демократия, мягко говоря, *не в полной мере отвечает* потребностям разумной цивилизации.

Здесь трудно определиться с одной важной мыслью, заключающейся в том, что путь к *совершенствованию демократии* пролегает через *ее взаимоотношения с обществом*. То есть по большому счету ни государство, ни власть, чувствующие себя вольготно как при диктатурах и автократиях, так и при наследственной монархии, здесь ни при чем. *Подлинное народовластие* возможно не только при наличии, но и при *союзных* отношениях *гражданского общества с демократией*, в качественных свойствах которой не достает неких действенных катализаторов, детерминантов, функций, компонентов, до которых *просто социуму* (то есть обществу, не обладающему кроме внутреннего еще и внешней, в том числе и *формальной организацией*) не дотянуться.

В какую бы сторону ни развивалась и на какую бы аксиологию и институты ни опиралась демократия, без *гражданского общества* ей не обойтись. Здесь не плохо бы более основательно разобраться в том, чём гражданское

общество отличается от общества как социума, в чём его превосходит и из каких факторов вытекает его действенность. Одно очевидно и без теоретических и практических обоснований: выборы, *проводимые с участием* общества, это одна история, а выборы *в исполнении* гражданского общества — другая.

Во-первых, субъектность *социума* настолько ограничена (лишить его субъектности нельзя, поскольку это обернется потерей субъектности как для государства, так и для власти, но она продолжает ограничиваться), что временами и местами не может не вызывать сомнения. *Гражданское общество* на то и гражданское, что обладает *максимальной субъектностью*, иначе всё, что подается под его видом и в его обличиях, не больше, чем *фикция и самообман*.

Во-вторых, условия взаимоотношений общества с государством установлены таким образом, что при проведении практически всех общих для них акций, включая, кстати, и войну, *общество* оказывается в положении *ведомого* — может быть *зрителем, одним из участников* (возможно, почетным, а то и самым главным), *почти равнозначным* партнером, у которого 49 процентов акций и так далее, но оно во всех ситуациях является тем субъектом, решения *за которого* принимаются старшим партнером. В *своем гражданском проявлении общество равно* (как минимум) государству, а что касается власти, то она *подотчетна* социуму в *подлинном* (не в имитационном или каком-либо другом фиктивном) смысле данного обозначения.

В-третьих, *во взаимодействиях* с государством (зачастую и с властью) *обществу* может быть определен *статус объекта* {в большинстве эрзац-демократий так и происходит, притом со всеми вытекающими отсюда последствиями (той же узурпацией) и соответствующей поляризацией социального пространства}, при том без зазрения совести, так как тот единственный инструмент воздействия на власть (выборы), которым обладает социум, принадлежит ему в значительной мере формально (и он об этом прекрасно осведомлен). *Гражданское общество* само, своими силами и исходя из собственных лекал, проводит выборы, определяя виды, формы, специфику, любые крупные и мелкие особенности электорального пространства.

Перечислять факторы, по которым гражданское общество в своей действенности и эффективности *превосходит* социум, можно долго. Важно то, что в общественном поле — политической, экономической и в целом государственной системе, *панацеи* точно не существует. Многовековая и общемировая практика показывает, а то и с бесконечным числом аргументов на руках из раза в раз и из тысячелетия в тысячелетие свидетельствует и доказывает, что государство, проявляющее себя в качестве *наиболее устойчивого устройства власти*, а тем более всевозможные формы правления, не могут даже *претендовать на место панацеи*. К тому же как государство, так и различные системы управления и режимы власти, начиная от монархии и заканчивая наиболее развитыми формами демократии, существовали и существуют при наличии перекрывающих всё и вся *интересов*, притом не так

важно каких — частных, личных, корпоративных, системных, этнических, а также национальных, то есть государственных, а значит, объективных.

Всё дело в том, что в этом перечне отсутствуют *цивилизационные интересы*. Хотя по *глобальной логике* вроде бы именно они должны выступить *главенствующими*, — тем объединяющим фактором, рядом с которым *все иные интересы вторичны*. Но до того, чтобы осознать этот момент, человечеству расти и расти. А жить нужно сегодня. Следовательно, как бы людской род ни пытался уворачиваться от «камнепада» следующих друг за другом глобальных вызовов самого разного характера, в актуальной действительности *нужна та самая панацея* хотя бы в виде временного, но максимально эффективного снадобья. И здесь человечеству, кроме чуть ли не в буквальном смысле напрашивающегося на присутствие и участие *гражданского общества*, рассчитывать не на что и не на кого. Именно оно, *как когда-то государство*, но только в своем *истинном* варианте, может трансформировать в большей степени застоявшееся, чем устоявшееся, положение в мире.

Обладая всеми *имманентно присущими* ему полномочиями и компетенцией, гражданское общество может прийти (*не в замену, а в дополнение и подмогу*, — важно, что оно всякий раз займет пустующее, как бы специально оставленное эволюцией место) в первую очередь как *арбитр* (независимый суд), во вторую — *определятель моральных устоев* (парламент), в третью — *источник интеллекта и идейных основ* (институты), в четвертую — *как контролер, соединяющий в себе блюстителя, аудитора, ревизора, наблюдателя и исследователя* (так называемое силовое составляющее государства), в пятую — *исполнитель с возможностями проектировщика, изобретателя и производителя* (власть), и в шестую — *организатор* и так далее. Разумеется, оно — *не заместитель* государства, а его *равноправный партнер*, который своим неформальным присутствием может обеспечить формальной власти *природную в своей сути конкуренцию* [см. подробнее: 2].

Приход, установление и функционирование гражданского общества может привести в социальное пространство (туда, где все мы — индивиды, этносы, народы, все возможные институты, разного рода корпорации, конфессии, государства, власть, различные формы правления) некую, более чем *реальную провиденциальность*. Его можно уподобить богине Провиденции из римской мифологии, воплощающей *предопределенность*, так как оно может, во-первых, сделать человеческое (цивилизационное) будущее как минимум более *прогнозируемым*, во-вторых, обеспечить абсолютно необходимую и при этом в не меньшей степени субъективную *предсказуемость, исключая «сюрпризы»* вроде фашизма, нацизма, «инклюзивного капитализма», а также популистов, нарциссов, садистов, невежд, корыстолюбивых, а временами — и психически неполноценных индивидов во власти.

Как демократия в сочетании с более совершенной формой социума — *другая демократия*, так и выборы, проводимые в рамках гражданского общества, — *другие выборы*. Притом в условиях гражданского общества выборы

нельзя назвать сутью демократии, — для этого они слишком открыты, конкретны, измеримы и даже объективны; скорее, они представляют собой то *содержание* народовластия, *которое определяет* его суть. В нынешней реальности (возможно, грядущее покажет иной путь и иные средства совершенствования людской цивилизации) *подлинной, действенной и функциональной сутью* демократии способно выступить гражданское общество. Пока оно существует *в обрывочном и частичном состоянии* в качестве своего рода *образца* для подражания, хотя в силу того, что *нет востребованности* (ее время не настало), подражателей особо не наблюдается, а большей частью, как бы выразился Бенедикт Андерсон [см. 5], в воображаемом виде. Но даже то, что гражданское общество представляемо, уже говорит о том, что по крайней мере в виде проекта оно нашло себе место в человеческом сознании.

Выборы *без гражданского общества* (даже при высочайшем качестве социума) — *один в поле, но воин*. Нет ни одного общественного или властного института, который бы напрямую, то есть в честном поединке, мог бы с ними справиться. Но когда на них *навешивается* огромное число факторов, воздействий, взаимосвязей, отношений, функционалов, не говоря о разного рода потребностях и необходимостях, включая в первую очередь политику, а затем и экономику, с более чем твердым намерением *превратить* их в собственного подручного, им, чтобы сохраниться если не в истории, то в действительности, ничего не остается, кроме как *изобразить реальность*. В данном смысле выборы сопоставимы с наблюдателями за голосованием — как с волонтерами, так и официально назначенными людьми, занимающимися *неподъемным для себя* делом. Как и формальные и добровольные наблюдатели, которые, функционируя *под колпаком у власти* и *находясь в подчинении* у государства, могут разве что возомнить себя теми, кто осуществляет мониторинг процесса волеизъявления, выборы в одиночку неспособны выполнить возложенную на них задачу *постоянного обновления* политической элиты и, соответственно, *перманентного реформирования и непрерывной модернизации* форм правления.

В электоральном отношении (на любом уровне) *возможен мониторинг* разве что поверхности процесса, — того, что *и так выставлено на всеобщее обозрение*. Если говорить об энтузиазме упомянутых наблюдателей, придавая ему определенное, а в некоторых случаях действительное значение, то нужно держать в центре своего внимания одно: что бы человеком ни двигало, какая бы мощная и могущественная власть за ним ни стояла, и как бы он сам ни стремился вникнуть в суть голосования и разобраться в деталях взятых им на себя обязательств, во всем мире выборы проводятся на *таком невообразимо огромном количестве плоскостей и уровней*, а тем более *лазеек, брешей и хитросплетений*, что определить, где в них реальность, а где ложь, мало кому дано. Даже щупальца самого государства, насколько бы оно ни было заинтересовано в чистоте и честности выборов, не столь длинны,

а взгляд не до такой степени зорок, чтобы проследить за проведением выборов в полном восприятии слова.

При *гражданском обществе* вся избирательная кампания — с момента объявления о проведении выборов до подведения итогов голосования — проходит на территории социума и под его присмотром. Пока это только мечта, но она говорит о том, что *выход есть*. Многие из того, что сегодня представляет собой неразрешимую проблему *уровня высшей математики*, при наступлении гражданского общества станет *арифметической задачей*. В нынешнем мире нет полноценного ответа на вопрос о том, *что вообще есть выборы*. Ведутся где-то закрытые и подспудные, а где-то открытые дискуссии по поводу того, *кому можно доверить право голосовать*, хотя на этот вопрос само время довольно давно ответило, придав активному избирательному праву *всеобщую* и большей частью *конституционную* характеристику. Возможно, дело не только в интересах — очень может быть есть еще какие-то факторы, из-за которых глобальные ценности *перепутаны позициями*: первостепенное загнано на место вторичного или еще дальше, а то, что *должно находиться в подсобном помещении*, воздвигнуто на политический пьедестал.

Если рассуждать в мировых масштабах (иначе вряд ли можно понять, что здесь к чему; всё обозримо с горы, находясь в пещере, даже если она Платонова, мало о чём можно иметь представление), то *электоральное пространство* в актуальной действительности — это *место, где куется судьба человечества*. А если говорить по-простому, то от того, какое значение придается выборам, зависит будущее: на уровне муниципальных выборов — будущее муниципалитетов, а на уровне национальных — будущее государств. Здесь вроде бы и спорить не о чем, хотя можно копнуть вглубь и напомнить о том, что государства и страны состоят из муниципалитетов (локальных образований), а весь человеческий мир — из государств и стран. То есть *местные выборы*, притом всякие, *столь же важны, как и национальные*. В то же время в преобладающем большинстве случаев, с одной стороны, *общество получает значимость на время выборов*, а значит, только *становясь электоратом*, а с другой — общее (особенно государственное) *внимание на самих выборах сосредоточивается лишь в периоды их проведения*.

Таким образом, избирательное пространство представляет собой если не *задний двор*, куда люди заходят *по необходимости*, то место, предназначенное для проведения конкретных мероприятий. Это — *территория, где как бы ничего, кроме выборов, не происходит*. Данное обстоятельство настолько укоренилось, что практически всеми сторонами, которые по-другому и точнее именуются политическими акторами, воспринимается *как обыденность*. Вроде бы так и должно быть, если не обратить внимания на одно «но», заключающееся в том, что *вся жизнь общества* (опять же индивидов, семей, этносов, наций, народов) *проходит на этом пространстве*. Следовательно, *электоральные процессы идут* не только в период избирательных кампаний,

и тем более не исключительно в день голосования, а *в постоянном режиме*, — примерно так, как текут реки, которым свойственны не только *различные состояния* (могут в одночасье создать очень большие проблемы), но и разные, иногда совершенно не совпадающие между собой *содержания*, когда только что казавшиеся прозрачными воды в мгновение ока превращаются в муть, несущую всё, что попадает ей по дороге.

Речь не об алармизме, а о *значении выборов*, которое, во-первых, нельзя сузить до уровня инструмента, почти повсеместно используемого в целях так называемого «*выпуска пара*», во-вторых, необходимо *осознать*, а еще лучше — *осмыслить*. Повторимся: *выборы — это процесс*. И добавим, так как одной констатации здесь точно недостаточно: это процесс, который *сопровождает все социальные явления*, а можно сказать, что *проходит по параллельному пути* со всеми государственными, то есть экономическими, политическими, социальными, законодательными, судебными и многими иными деяниями. С данной позиции только и возможно определить значение выборов, как *исключительно кульминационной части* избирательного дела.

Электоральное поле — *особая часть* общественного пространства, которая вплотную *прилегает* к территории государства и в таком восприятии представляет собой некую *пограничную* зону. В силу данного обстоятельства оно обладает *собственным исключительным функционалом и содержанием*. Если в целом социальный мир отличается ориентацией на *обыденность*, а то и просто на *хлеб насущный*, то его электоральная составляющая достаточно политична. Но это только с одной стороны. С другой — в ней сосредоточено *множество* как открытых, так и потайных, а то и *сокровенных смыслов*, в целом не присущих обществу. Тут сторон, с которых можно *обозревать и оценивать* и в общем электоральное поле, и его различные аспекты, предостаточно. То есть взвесить его на обычных весах не получится. При восприятии этого поля *слишком многое* приходится учитывать. Возможно, это — одна из причин того, что в отношении выборов — как ситуации с их проведением, так и с итогами, любые *разновидности прогностики* бессильны.

Оно множественно со многих позиций. Обладая громадным числом качественных свойств, электоральное поле *не бывает однозначным* и во всех возможных ситуациях *действует по-своему*. В некотором и при этом в весьма важном понимании *независимо*, а значит, при выражении интересов общества может исходить из *собственных соображений*. Как бы *выполняет поручение* народа, но способно действовать *по своему усмотрению* вплоть до того, что превратится в его *лидирующую* основу. В нём *сочетаются*, а иногда и *вовсе соединяются* не привнесенная, а *корневая* (общественная, но при этом конкретная по своим проявлениям) *формальность* (официальное содержание социума) и никак *не измеримая ментальность*. Обладает *самобытной атмосферой*, пропитанной даже не идеями и смыслами, а скорее, порывами, стремлениями, расчетами, надеждами и даже верой. *Прагматика* в нём столь же к месту, как *абстракции и романтика*. Ничем из перечисленного

ни государство, ни власть похвастаться не могут. Возможно, самое важное в отношении электорального поля заключается в том, что оно, *будучи продолжением* социального пространства, *так же вечно, как и социум*. Это ему известно в полной мере, и данное знание определяет его *особость*.

Это — место *постоянно функционирующего общественного совета*. И не в идеале, а в рациональном мире, где как люди, так и организации в своих решениях и действиях основываются на *логике и здравом смысле*. Некая *промежуточная* территория, где одни качества переходят в другие. И главное здесь в том, что всё это не нечто воображаемое, а реальность, перед которой всего лишь нужно *«поднять шлюз»*, а еще лучше — ее в определенном смысле разгерметизировать, раскрепостить, освободить из заточения. Электоральное поле и по своим характеристикам, и по определению *действительно*. Может придать иное, а в отдельных случаях *революционно новое* содержание власти, преобразовать государство, воздействуя на его интеллектуальное и моральное содержание. Оно *концептуально* изначально, то есть таковым оно задумано, во-первых, самим обществом, во-вторых, демократией. *Информативно*, так как в нём заключены все возможные планы народа на собственное будущее. Еще и *технологично* в том самом смысле, что *знает, что делает*, и не нуждается в каких-либо подсказках, а тем более вмешательствах.

Это — место, где *бьют родники* чистых помыслов, соотносящихся с целями и задачами народа; *функционируют лаборатории*, итоги экспериментов которых, стоит лишь присмотреться к ним и взять на вооружение, могут открыть дорогу к *масштабным* свершениям; *генерируются идеи*, касающиеся всей жизни народа, — как повседневности, так и глобальных мотивов. Электоральное поле — пространство с *постоянно действующим* производством, основанным на *пульсе* общества, оно имеет *прямую связь* со всем глубинным богатством народа, с его физическим и интеллектуальным потенциалом, с теми ресурсами, которые могут быть открыты только посвященным и понимающим. В этих, других и возможных в значительной мере абстрактных рассуждениях кроются зерна действительности, находящиеся в ожидании *влаги и солнечного света*.

Глобальная территория электоральных процессов *во многом* представляет собой *непаханное поле*, где преобладают *сорняки*. При этом их потенциал, оставшийся в одних ситуациях *без внимания*, в других — используемый *в молекулярных мерах и пустопорожних для разумного вида целях*, никуда не девается. Важно, что *на ней проводятся выборы* (правда, было бы намного лучше для людской цивилизации, если бы они *производились*), говоря по-другому, *значима практика*, которая так или иначе, в той или иной форме и тем или иным путем пробивает дорогу *опыту* и этим самым оставляет надежду на грядущее. *Возможности выборов* настолько широки, что они по-разному и в различной мере, но всё же во всех случаях *эффективны* даже в их нынешнем — *абсолютно куцем, ограниченном и малосодержательном* — применении. Следовательно, данная территория чуть ли

не в буквальном смысле нуждается в *возделывании*, заинтересованность в котором очевидна не только для *общества*, но и *по возложенным на нее обязательствам*, а самое главное, по определению, для власти. Это только кажется, что социум и государство идут по разным дорогам, а то и в разных направлениях, в действительности *дорога у них одна*. Могут двигаться по разным полосам, но это тот случай, когда *скорость движения определяет не тот, кто идет первым, а отстающий*.

Существуют расхожие выражения, касающиеся того, что *качество* государства, власти, армии, интеллигенции, науки, культуры, образования и остальных похожего типа явлений *определяет, а то и предопределяет общество*. В бытовом виде они всякий раз звучат примерно так: какое общество, такое и государство, какое общество, такое и кино и так далее. Сократу (ок. 469 — ок. 399 г. до н.э.) приписывается фраза: «*Каждый народ достоин своего правителя*». Жозеф де Местр (1753–1821) черным по белому написал: «*Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает*», — он, видимо, искренне так считал, поскольку это свое мнение изложил в частном письме. Возможно, так оно и есть. Всё же нужно иметь в виду, что подобные высказывания почти всякий раз произносятся *в оправдание* не совсем состоявшегося государства, некомпетентной власти, невежества интеллигенции и других моментов в отношении тех или иных явлений, *подразумевая слабость социума* в качестве причины.

На наш взгляд, ближе всех к рациональности оказался третий президент США Томас Джефферсон (1743–1826), высказав рассматриваемую нами мысль несколько иначе: «*Выбирать себе правительство вправе лишь тот народ, который постоянно находится в курсе происходящего*». Здесь явно проглядывается некий намек на гражданское общество. В то же время хорошо бы, соглашаясь с такого рода постулатами, фиксировать в своем сознании и то, что физическое, психологическое, интеллектуальное, эмоциональное, а в чём-то и ментальное состояние общества *не само собой* складывается.

Разумеется, все политические и любые иные акторы социального пространства — *продолжение общества*. В то же время обозначенные и неназванные явления, особенно государство и власть (особенно, так как они — *определители общей тактики и стратегии* страны, соответственно, и народа, то есть того же социума), *порождены, сформированы, назначены и «выведены в люди» народом во имя своего же блага*. Общество, *делегируя* государству или той или иной ветви власти все возможные *полномочия* {в условиях демократии (впрочем, по большому счету во всех других условиях, поскольку не только при монархии и диктатуре, но и при тоталитаризме, главенство, вопреки всяким видимостям и кажимостям, принадлежит народу) ни у государства, ни у власти *нет никакого иного источника* прав и полномочий, кроме народа}, исходит не из того, что через какие-то *чудные махинации*, опираясь на ответственность и обязанности, они создадут себе *бизнес* (монополии) и «*подсобные хозяйства*» (олигархат, транснациональные компании,

всевозможные корпорации и т.п.), а искренне полагает, что поручает им *свою планиду* на определенный срок.

По сути дела, в этом заключается наиболее очевидное и важное значение не столько самих выборов (с этим вряд ли можно поспорить), сколько *необходимости* того, что они могут быть *только подлинными*. Политические технологии, превращающие это *великое действие* в некий *чемодан без ручки*, в определенного рода *обузу*, пытаясь изъять из него главное, то есть *определяющую, детерминирующую и при этом рациональную суть*, и таким образом *трансформировать выборы в нечто маргинальное*, копают могилу народовластию, а соответственно, возможно, сами того не ведая, и себе (вне демократии в них нет нужды). *Практикуемые по всему миру «выборы без выборов», «выборы ради выборов», существующие только потому, что так надо* (наличие выборов в арсенале государства позволяет последнему заручиться неким «пропуском» в стан так называемых «демократий», а значит, «приличных» стран), большей частью особого смысла не имеют. В то же время даже *подобного рода выборы что-то значат и к чему-то обязывают*, притом как власть, так и общество.

За столетия собственной биографии электоральные процессы *доказали свою необходимость*. Судя по сложившейся в глобальном пространстве ситуации (за редчайшими исключениями), мировое сообщество находится в начале сложнейшего демократического пути, где оно едва ли не у каждого поворота сталкивается со всевозможными, всякий раз неожиданными непредвиденностями. Не имея *ни компаса, ни навигатора, ни дорожной карты*, оно всё же *идет*, более того, *продвигается* сквозь политические, популистские, мошеннические и иные «джунгли», *преодолевая* бесконечные трудности и барьеры. Большая часть возникающих проблем *рукотворны*, где-то они возрастные (человеческий род только вступает в период своего взросления), где-то происходят из банального невежества, а где-то временные, то есть вполне *решаемы и устранимы*.

Выборы — это *проза демократии*, в них нет ничего лирического. Еще раз скажем, что как и сама демократия, это — в первую очередь труд, притом каждодневный. Невозможно, чтобы одна часть социума проживала в демократии, другая — при автократии, третья — при диктатуре и так далее. *Совокупность вопросов*, касающихся становления народовластия, рано или поздно *вынудит* (и в этом нет никакого сомнения) человеческую цивилизацию остановить свой, может быть, *наиболее судьбоносный* за последние тысячелетия *выбор на гражданском обществе*. Сегодня можно с абсолютной уверенностью констатировать, что в силу неравноправия социума как в юридическом, так и в бытовом и бытийном понимании, *союз общества с его производным в лице государства не состоялся*.

Бесправный по сути народ (всякие права человека и тому подобное — всего лишь прикрытие; в данном контексте у народа нет главного — равноправия с властью; в любой стране социум, едва приступив к серьезному

разговору с государством, сталкивается со всей мощью его монополии на насилие) ни по одному из своих качеств, возможностей, а тем более по сторонним оценочным критериям *не годится в союзники* такому мощному, всесторонне развитому явлению, как государство. Тема того, почему так получилось, заслуживает другой, намного более обширной работы. Мы же в рамках данного текста и, исходя из многих сохранившихся примет, можем предположить, что в свое время — в начале начал — общество, *положившись на власть*, большую часть своего действенного потенциала *предоставило* (теперь уже не важно, по какой причине и в силу каких обстоятельств, — может быть, из-за природного альтруизма, а скорее, по наивности) *в распоряжение* только зародившегося государства, обеспечив его *физической и интеллектуальной основой*. Следом в том же направлении переключал и арсенал социума — *навыки и умения* практически «в одной упаковке» с масштабными средствами и повседневным инструментарием были *переданы* государству.

Те же *демократия и выборы придуманы* не властями преуважаемыми, которые, говоря без всякого преувеличения, во всех случаях выступают бенефициарами, а *представителями общества и в пределах социального пространства*, которым в лучшем случае и, конечно же, не каждый раз, доставалась *одна лишь слава*, притом *не всегда прижизненная*. В то же время всё как бы само собой сложилось особым образом: многое из того, что оказалось в закромах власти, социум имеет право использовать только *на правах своеобразной аренды и никак по-другому*. А к большей части государственных резервов, ресурсов и возможностей у него и вовсе *нет никакого доступа*. Может быть, в очень и очень давние времена, в те эпохи, когда *власть несла ответственность* за своих подданных (общество, население) *перед самим Всевышним* (тогда «балом» правила вера, и в выборах не было нужды), в этом был какой-то толк или резон, а позже — несколько веков тому назад, когда государство медленно, но необратимо стало *превращаться в операционную систему*, а тем более в последнее столетие и особенно в наше время, когда оно из себя *ничего другого, кроме операционной системы* не представляет, а *Бог*, если не принимать во внимание всякое псевдорелигиозное лицемерие, постепенно *списывается со счетов*, — никакого смысла в подобных взаимоотношениях не осталось.

Всё бы ничего, так как вроде бы всё идет так, как идет. Но в том-то и дело, что нет. С разных позиций по-разному, но видно, что глобальная политическая система, основанная на *единоличном правлении* государства, всё более ускоренными темпами приближается к своему тупику [см. 6]. С этим и связана *суэта*, просматриваемая в *поведении власти* практически повсюду, которая, словно утопающий, хватается за любую соломинку, надеясь то на *компьютеризацию, роботизацию и цифровизацию*, а то и на *пандемийные и инклюзивные аферы* и *изображая* неуязвимость (кстати, к изобретениям и возникновению продвинутых электронных технологий власть практически не имеет отношения, она больше склонна закрывать библиотеки

и бюрократизировать образование и науку, дозировать информацию и вводить цензурные ограничения).

Кольцо страхов вокруг обозначенной выше системы сжимается всё сильнее. Занятая большей частью собой и собственным долголетием, она не в состоянии *понять суть вещей* и почти в буквальном смысле *бьется от одной крайности до другой*. То Солнце осваивает, на Марс и Венеру собирается, то на войну; то озоновые дыры закрывает, то к глобальному похолоданию готовится; вот-вот превратит планету в мусорную свалку, почему-то полагая, что у человечества, прямо как у нее, есть «запасной аэродром»; черпая интеллектуальные ресурсы из общественного пространства, ведет себя так, будто это ее собственность; в понимании системы власть и деньги решают всё, и потому она в элиты записала сначала бюрократию, а затем олигархат; свой функционал, касающийся благополучия людей, оставила на попечение третьестепенных служб, а главную свою суть — *социальность*, рассматривает как достижение и не более; всё, что оказывается в пределах ее обозрения, включая демократию, выборы, так называемые права человека [см. 7], политику, экономику, культуру, считает *средством*.

По природным меркам человечество, биография которого берет свое начало *с момента обретения им разума*, существует не так долго. Но достаточно, чтобы *оценивать* собственную историю. А она свидетельствует, что, выйдя из одной точки земного шара, люди, начиная с определенного уровня своего развития, практически *всегда стремились к объединению* (возвращению к себе). Устраивали всякие родовые союзы и племенные общности, на подсознательном уровне, то есть интеллектуально приближаясь к мысли о *глобальном сообществе*. Прибегали к различным средствам, использовали разные факторы, осознавая, что *в одиночку им не выжить*. Использовали явления собственного изобретения, искали соответствующие смыслы в природе и в какой-то момент, поняв свое *особое положение*, связанное с наличием у них разума, обратились к собственному сознанию и *придумали правила*, обозначив их одним словом — *мораль*. Правила оказались универсальными, устойчивыми и долговечными, но в одиночку не смогли сработать должным образом.

Продолжив поиски (да и жизнь подсказывала), люди вышли на *власть* (на ту, что затем преобразовалась в *государство*). И она не подвела, став *весьма важной опорой* морали. И всё же даже совместных усилий морали и власти не хватило, чтобы найти *наиболее верную дорогу* к объединению. Пришлось прибегнуть к *религии*. Она, действительно, в одном из своих важнейших проявлений став *средством централизации*, оказалась важнейшим подспорьем. Тем временем масштабы человечества росли, и усилий, вкладываемых людскими изобретениями для достижения искомой цели в полной мере, не хватало. Так как человек — *существо настырное*, особенно в долгосрочной перспективе, то он не стал сидеть сложа руки и раз за разом «выдавал на-гора» *новые концепты*. Ситуация с объединением всё больше

улучшалась за счет науки, политики, экономики, культуры, идеологий, доктрин, а также — уже в гораздо более поздние времена — через научные открытия, технические изобретения и новшества. В дело шли и различного рода формы правления, которые в той или иной мере *приближали* людскую цивилизацию к единству. Но всё же до конца не получилось, а в итоге так и *не получилось до наших дней*.

С данного ракурса удивительное впечатление производят *утопии*, созданные как в последние несколько веков, так и в нынешнее время. В них практически всякий раз в качестве *рая на земле* описываются *разновидности тоталитаризма*. Всякие «города солнца», «атлантиды», «дивные миры» [см. 8; 9] и другие фантазии описывают исключительно *тоталитарную систему*, в которой люди объединяются вокруг *единой цели*, при *строгом порядке и добровольном подчинении* различным формам *единоначалия*. То есть поиск шел, да и сейчас продолжается в самых разных направлениях. Между тем, если внимательно присмотреться к тому, что изобретено и достигнуто, то можно сказать, что умственные усилия цивилизации не пропали даром, и человек уже обнаружил то, что искал тысячелетиями.

Демократия, выборы, гражданское общество *не блестят*, но, судя по всему, это — то *золото*, на которое в своих бесконечных интеллектуальных поисках набрело человечество. Это — *идеи, прошедшие сито истории*. Вместе взятые, они *исключают необходимость выбора пути*, так как сами, именно в такой комбинации и есть *путь*. В то же время в этой схеме/системе ни у одного из явлений *нет ключевой роли и какого-либо главенства*.

Достаточно давно присутствующие в людской бытийности выборы эффективны, но лишь в конкретной мере. Они только *видят, слышат и могут догадываться*, но *не осознают и не осмысливают*. Хотя именно выборы стали фундаментом для возникновения, формирования и становления демократии, от них *одних* толку не так много. Их сила в *субъективности*, которая, как уже было сказано, парадоксальным образом *порождает объективность*. В них сосредоточено, с одной стороны, *многообразие* социума, с другой — *ментальность* народа. Они *исключительно по-своему*, то есть во множественной вариации *интеллектуальны* и потому опять же *по-своему точны* в своих решениях.

Функционал народовластия распространяется на территорию власти и этим оно *сильнее и дальновиднее*. Несмотря на то, что демократия более действенна и универсальна, чем выборы, *без них мало что из себя представляет*. Для нее выборы словно *якорь*, без которого она может чуть ли не в одночасье потерять весь свой потенциал и *скатиться к чему угодно*, — к монархии и автократии с той же вероятностью, как и к диктатуре и тоталитаризму. *В отличие от выборов*, которые большую часть времени проводят *в тени*, почти в *бездействии* и обитают в основном на *периферии* социального мира, у демократии зарезервировано *место во главе стола*. Это от нее по правую руку сидит государство, по левую — власть. Важно, что

она *имеет доступ*, притом, как минимум, к деяниям политической системы, хотя секреты, а особенно тайны государства вне ее ведения.

В течение даже по историческим меркам *долгих эпох* выборы и демократия функционировали вместе. Нельзя сказать, что у них нет совместных достижений, но практика такова, что всякий раз, находясь *буквально в шаге от высочайших свершений*, их тандем отбрасывается едва ли не *на изначальные позиции*. Приходится приступать к делу если не с самого первого момента, то с какого-то этапа, но процесс зачастую оборачивается *сизифовым трудом*. Одно хорошо, что за прошедшие в совместной деятельности века эти факторы *настолько срослись*, что как обществом, так и государством воспринимаются в качестве чего-то *единого*.

С *гражданским обществом* история другая. Если демократия и выборы имеют пусть и интеллектуальную, но рукотворную основу, то гражданское общество — это *улучшенная, более совершенная* и в некотором смысле *модифицированная, модернизированная* и, что очень важно, *активированная реальность*, возникающая из *«спящего»*, никогда и нигде в полной мере не использованного *потенциала* социума. Это — общество, прошедшее *инициацию* и получившее *полноценный статус*. Это — субстанция, где понятия, явления, концепты, события, происшествия, решения, точно так же, как и индивиды и личности, словно молекулы и атомы единой сущности, находятся в *предельно организованном* (насколько это возможно в субъективной среде) *«броуновском движении»*. Это — почва, где демократия выращивает *свои смыслы*, посредством выборов добираясь до самых *сокровенных глубин* интеллектуального богатства социума. Это — *недостающее звено* в общей для всего человечества цепочке людской бытийности. Это — состоявшийся долгожданный и наполненный смыслами *порядок*, налаживание которого началось в глубинах тысячелетий.

В *зачаточной форме* гражданское общество уже присутствует в нашей жизни. Сообщества, в той или иной форме познакомившиеся с ним, могут засвидетельствовать, что даже в *первичной*, практически *эмбриональной* своей версии оно проявляет определенную, в довольно значимой мере *отличающуюся* от эффективности социума и государства, *функциональность*. Это такая *рукотворно-концептуальная «мессия»* в общественно-политическом, смысловом, универсальном, множественном, в то же время в простом и понятном любому индивиду воплощении. Отодвигая в сторону пафос, но всё же оставляя в своем распоряжении аллегории и образность, скажем, что гражданское общество — это *осознавший самое себя социум*, похожий на того сказочного персонажа из фольклора и мифологии многих народов, который, годами пролежав или найдя в латаргическом сне, вдруг *просыпается и тут же* начинает проявлять богатырские качества. Если в каком-то обозримом будущем или в долгосрочной перспективе разумный мир *всё же решится* на то, чтобы приступить к освоению и применению гражданского общества (по любой предполагаемой логике он *не должен* упустить эту

возможность), то в своих *поисках источника собственного благополучия*, как это часто бывает, людская цивилизация выйдет на «собственную персону».

Как в материальном (физическом), так и экономическом, политическом и социальном пространстве важнейшее значение принадлежит *устойчивости*. Без нее легче легкого лишиться *баланса* и оказаться в руках у гравитации, тектоники, волн или ветров, в то же время, располагая ею, при своих действиях и маневрах можно особо *не оглядываться* по сторонам. Не менее существенное влияние данная характеристика оказывает и на ментальную плоскость людского бытия, притом в весьма широком и даже масштабном восприятии. При этом устойчивость, как свойство, лучше всего объясняется и оценивается *физикой и геометрией*, по которым *чем больше опора*, тем предмет *надежнее* стоит на своем месте. Здесь слово «предмет» можно заменить чуть ли не на всё. Исходя из собственного нарратива, обратим внимание на *стойкость и равновесие*, с одной стороны, *государства*, которое в том числе и формально (и реально) опирается не только *на три ветви власти* (речь идет о демократическом государстве), а дальше — еще и *на армию и флот, социум* (это — как само собой разумеется, то есть так надо), а в некоторых случаях *на олигархат и корпорации* и так далее, но и (правда, в определенной мере) — *на демократию*, с другой — то же *общество*, как уже сказано в этом самом предложении, но иначе и фундаментальнее *служащее основой для власти*, а значит, уже по этой причине имеющее *существенную нагрузку и держащееся* одной своей «конечностью» *за демократию*, второй — *за выборы*, и в глубине души рассчитывающее *на власть и государство*. С учетом того, что последние используют общество в качестве опоры как в глобальных, так и абсолютно повседневных целях, признаем, что здесь, то есть в отношении социума, ни устойчивостью, ни стабильностью, ни гармонией и не пахнет.

Между тем, *уровень ответственности* общества кратно превышает совокупность любых возможных обязательств и обязанностей, так как оно, в отличие от той же власти и государства, отвечающих за обыденность и настоящее, *не несет ответственность, а держит ответ и за будущее*. В то же время обладает *одними лишь средствами*, к которым относятся и выборы. Надо сказать, что выборы являются *инструментом* для нескольких акторов и только для социума представляют собой *еще и дело*, последствия которого находятся *в прямой пропорциональности* с состоянием, то есть с устойчивостью общества. Этот момент — взаимосвязь качества народа со значением выборов — подразумевает долгие размышления. Оставим их на потом в силу объективных причин и для пояснения сути рассматриваемого вопроса постараемся уложиться в несколько абзацев. Нужно иметь в виду, что здесь обязателен и *сравнительный контент*, а значит, хотим того, или нет, нужно будет обратить наши взоры на суть гражданского общества.

Если *социальное пространство*, в отличие от территории официоза, *общее*, притом настолько, что на нём можно устраивать в самом худшем смысле этих слов любой *балаган* — от «скачек» до «дискотек» для всех акторов

политической системы, то *поле*, занятое *гражданским обществом*, во многом особенно (*исключительно*), и в том числе — в *обособленности*. Не то что бы оно закрыто или имеет какие-то катакомбы, подземные ходы, подводные рифы, секреты, а то и тайное содержание, — наоборот, *его сила в открытости*, в том, что служит кроме всего прочего еще и, с одной стороны, *дискуссионной площадкой*, на которой высказываются мнения, с другой — *трибуной*, где осознаются идеи, а с третьей — *академическим кругом*, генерирующим смыслы. При всей публичности это поле *заповедно* для всех иных акторов общественного пространства — не только для государства и власти, но и для их структур.

Логика в том, что *гражданское общество* — в первую очередь *инфраструктура*. Это означает, что его сила *во взаимоотношениях* и особенно *во взаимосвязях*. В некотором смысле его можно уподобить человеческому мозгу с постоянно обновляющимися нейронными соединениями, который в своей *автономности* и определенном отделении от самого организма порождает как в целом *интеллект (стратегию)*, так и различного рода *решения (тактику)*. Разумеется, это так, если сильно упростить. Здесь наиболее важное заключается в том, что в обозначенной инфраструктуре, хоть и *главный трон* предназначен самому *обществу*, но при этом *верховодят*, во-первых (и это более значимо), *демократия* и все без исключения ее принципы, во-вторых, *выборы*. Эти три актора, как полноценные, *полномочные и от природы легитимные* обитатели гражданского общества, каждый на своем месте и совместными усилиями творят действительность.

В пределах инфраструктуры гражданского общества *социум* (его можно обозначать по-всякому — этнос, нация, народ, да хоть электорат или население) представляет собой иную, более действенную, жизне- и трудоспособную, самобытную, обладающую максимальной самостоятельностью (возможно, здесь больше подходит модное ныне слово «суверенитет»), полную здравого смысла, прагматики, а заодно и идей, *сущность*. Он может в максимальной мере раскрываться и продемонстрировать свою эффективность, выявлять и проявлять потенциал *только в том случае*, когда (данный постулат мы не устанем повторять) представляет собой субъект в абсолютном понимании данного термина. За доказательствами далеко ходить не надо: можно мысленно отобрать у государства его субъектность и представить себе, во что оно превратится.

Общество пребывает в состоянии *отсутствия субъектности* в течение веков, а в каких-то случаях — тысячелетий. Биография социума примечательна тем, что во все времена в нём присутствовали мощные, универсальные в многофункциональности, негнибаемые и *вечные* в своей сути факторы: в первую очередь *мораль*, во вторую — *порядок* как ее производное, в третью — *справедливость* в качестве результата совместного труда морали и порядка. Пребывание в условиях гражданского общества позволит социуму восстановить *собственную* весьма значимую *инфраструктуру*, в которой

в принятии как важнейших, так и обыденных, повседневных решений будут участвовать давно уже в довольно существенной мере отодвинутые от дел *обычаи, традиции, понимания, восприятия, стереотипы, специфики* и многое другое.

Гражданское общество в корне *меняет характеристику* демократии. По-прежнему *оставаясь формой правления*, то есть не отказываясь ни от одного из присущих ей свойств, оно *обретает новое умение* и становится *способом* (в максимально широком восприятии) управления. Более того, *восполняя* свою *аксиологическую базу*, возвращает себе главную ценность — *свободу* и получает возможность в любых своих действиях и вердиктах исходить в том числе и из нее. Точно так же, как и социум, демократия, во-первых, порождает собственную *фактологическую и ценностную систему*, во-вторых, главным образом *в ней генерирует* идеи и действует так, чтобы *претворять их в жизнь*, и наконец, в-третьих, *проникает* везде и всюду, *пронизывает* всё, включая межличностные и внутрисемейные отношения, *охватывая и обволакивая* пространства социума.

Она *не внедряема, не насаждаема, не прививаема* — может вырасти только на определенной почве, впитывая в себя *особенности ареала*, и так как вопреки настойчивым утверждениям *так называемых* классических, развитых, передовых и продвинутых демократий о необходимости ее унификации, то есть распространения по всему миру «международных демократических стандартов», в какие-либо рамки не укладывается, то таким образом становится и *суверенной, и национальной, и этнической, и специфической, а может быть, и общественной*.

Что касается *выборов*, как еще одного актора нашего *трио*, то они, конечно же, *в первую очередь*, представляют собой *систему процедур*. В актуальной реальности в качестве таковых и рассматриваются, и воспринимаются. В то же время *избирательный дискурс* по своим масштабам мало какой проблематике уступает. Понятно, что это — *рукотворный феномен*, начисто списанный с природы. Неслучайно, что в контексте как самих выборов и избирательной системы, так и в целом электорального пространства, за вышеобозначенной *первой очередью* тянется практически *бесконечная очередь концептов, явлений и понятий*, к которой в непрерывном режиме присоединяются все новые *факторы и значения*.

Это говорит о том, что *выборы*, как бы они ни воспринимались на тех или иных уровнях общества и государственной системы, представляют собой намного более важное *средство выживания* людской цивилизации. Их можно назвать *основой* демократического порядка, *краеугольным камнем* социального консенсуса, высочайшей *трибуной, диалоговым «окном»* между обществом и властью, *языком общения* граждан с бюрократической системой, единственной по сути *общей площадкой* для встречи государства и социума, своеобразным *мостом* между ними, *опредлителем и проводником* общественных ресурсов, *детерминантом* настоящего и будущего и так далее.

В контексте данного сюжета то, что выборы *из себя представляют и чем являются*, очень важно, но здесь наиболее существенное значение нужно придать тому, как они *соотносятся и соотнобятся* со своими акторами, выступающими в том числе и их союзниками, — *с гражданским обществом и демократией*.

В данной ситуации *фон обций*, и можно сказать не только о том в некотором смысле простом обстоятельстве, заключающемся в *единстве* этих акторов, но и об их неразрывности. *Врозь они не работают*. Сколько бы мы ни восхваляли демократию, как бы ее ни привечали, ни приукрашивали, она от этого действенней не станет, следовательно, всё, чем мы занимаемся в подобных случаях, *возлагая свои надежды* на демократию как на *некий ответ на все вопросы* или как на ту же *панацею*, является ничем иным, как *худшей формой лжи*, то есть *самообманом*. Во что бы мы ни наряжали выборы и как бы их ни называли, результат будет таким же. Что касается гражданского общества, то оно, может, и установится само собой, но это, скорее всего, возможно в далеком будущем, и то, если звезды, притом во всей совокупности, будут расположены соответствующим образом.

В то же время это всё — *с одной позиции*, то есть с того аспекта, где людской род пребывает в настоящее время. Естественно, *есть и другая сторона*, с ракурса которой не всё так безнадежно. Как водится, *выгодоприобретателями* союза гражданского общества, демократии и выборов должны выступить сами эти акторы. Именно они *получат развитие и станут субъектами* — понятно, что каждый из них на своем месте и в пределах своих возможностей. Но как от их союза, так и субъектности, а соответственно, возросшей действенности и эффективности *меньшую выгоду получит государство* (точнее, мировая государственная система), которое в основном по большому счету, то есть в глобальном восприятии, но при этом и в частности — в том, где власти нельзя спотыкаться без ущерба для себя, в течение довольно продолжительного времени (с той поры, когда образ врага, к месту и не к месту используемый в качестве политической панацеи, стал размываться), мягко говоря, *дезориентировано*. Бесконечные, *превратившиеся в обыденность* социальные, экономические, политические, финансовые и всякие иные кризисы, всё чаще оборачивающиеся пока только *локальными катастрофами*, только об этом и свидетельствуют.

Как само собой разумеющееся, *общество*, которое по *определению и здравому смыслу* представляет собой *основу всего*, что есть в социальном мире, *отодвигается* в сторону, отношение к нему носит *второстепенный характер*, при этом *на первой позиции* всё тверже укрепляется (и это на государственном уровне) *выгода, как символ успешности* и, что особенно странно и непонятно, *главнейшей цели* (в этом невозможно обнаружить хоть какую-то логику). С данным подходом, судя по всему как бы естественным образом, соседствует *деградация культуры*. Она чуть ли не в прямом смысле слова *обескровливается*. Посредством *постоянной и масштабной*

коммерциализации из нее вынимается стержень, ее суть и все защитные свойства. Под видом свободы в нее внедряется вседозволенность. Таким образом, у культуры отбираются полномочия находиться в одном ряду с основополагающими ценностями. Всемогущее слово, с которого всё началось, перестает иметь значение. И так во всём, чего ни коснись.

Тот, кто тысячи лет тому назад был назначен обществом на место охранника (государство), начисто забыл о своем работодателе-благодетеле и занят тем, что оберегает, охраняет, блюдет интересы «денежных мешков» (не важно, как они в мире представлены — просто богачи или корпорации, транснациональные компании, оперирующие всё той же выгодой и ничем больше), видимо, искренне полагая, что они и есть его союзники. Возможно, считает, что в случае общемировой природной или рукотворной катастрофы ему будет выделено место в межпланетных суднах толстосумов или в их подземных бункерах. В лучшем случае на общество взирает со своей высокой башни, носящей название «власть», теоретизируя на тему, чем бы его занять, хотя никакого другого союзника и поддержки, кроме народа, у него нет.

Мало того, что государство перестало видеть дальше своих директив, оно не особо соображает, что делает; может быть, не полностью, но во многих своих действиях, проявлениях и проектах оказалось на далеко не светлой стороне жизни. В этой, противной его сути ситуации, появление союзника и сподвижника в управленческих вопросах, не обладающего карьерными амбициями, пошло бы ему исключительно на пользу. Наконец-то оно могло бы себе позволить заняться только ему присущими вопросами, о существовании которых практически забыло. С масштабного ракурса легко заметить, что функционал современной власти всё сильнее расплывается. Запомняв то, как вообще делаются государственные дела, увлекшись рассуждениями на темы всевозможных глобальных вызовов собственноручного производства и деятельностью по различным, но ни в коем разе не общественным и насущным мотивам, находясь на грани потери связи с действительностью и, главное, упустив из виду важнейшую для любых форм, видов и разновидностей власти внутривнутриполитическую проблематику, государства всё чаще ищут выход из затруднительных положений во внешнеполитической повестке.

Дело в том, что во всех без исключения случаях (речь о современном мире), особенно в отношении общества, государство правит частностями. Обществом управлять оно не может по одной настолько же простой, насколько и очевидной причине, — у государства перманентный дефицит интеллекта. Как бы ни старалось, оно по определению не в состоянии (потому что это невозможно) извлечь весь человеческий интеллект из социума. В итоге ему суждено вечно припадать если не на все, то на несколько своих конечностей. Даже в предельно благополучных ситуациях, когда всё в порядке с экономикой и политикой, может подвести власть, с которой дело обстоит еще хуже, так как ей приходится буквально каждый день прибегать к своему интеллектуальному потенциалу. При этом она пребывает в таком

состоянии, что даже если будет жить в шаговом расстоянии от своей главной академии наук, более того, если окружит себя всеми академиями мира, всегда *будет испытывать дефицит* даже не ума и мудрости (они ей практически не доступны), а *здорового смысла*, так как все эти и другие проявления сознания *обитают* (если по государственному, то имеют прописку или зарегистрированы – притом самой природой) *в общественном пространстве*, а территорию власти посещают по обязанностям, необходимости или тогда, когда получают на то приглашение.

Актеры общественного пространства – *народ, государство, демократия* со всеми своими структурными элементами, внешними проявлениями, глубинными ресурсами, целостностью, частностями и всем остальным, что у них было, есть и может находиться в наличии, в том числе и с *властью, гражданским обществом, выборами*, – естественные союзники, то есть *союзники от природы*. Если еще больше усилить сказанное, то союзничество им *предписано и написано у них на роду*, а значит, *существовать врозь* они, возможно, и могут, но *жить* по разные стороны каких-либо границ им не дано ни при каких обстоятельствах. Все как бы неразрешимые проблемы как мирового сообщества, так и глобальной государственной системы, а в частности, и власти, никак *не совпадающих по своим параметрам с демократией и выборами*, вытекают из одного единственного источника – из их *разрозненности*, которая порождает всё новые беды, задерживая человечество в *кажущихся вечными сумерках*.

Список литературы

1. Скоробогатов А.С. Общество как договор между сильными и слабыми. Очерки по экономике и истории. М.: Изд. Высшей школы экономики, 2018. 248 с.
2. Гасанов И.Б. Новый Вавилон. Эволюция государства – от единовластия к двоеначалию. М.: МедиаПресс, 2019. 816 с.
3. Бозций. Утешение Философией [пер. на рус. яз. В. Уколовой, М. Цейтлина]. М.: РИПОЛ классик, 2017. 254 с.
4. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М., 2018.
5. Андерсон Б. Воображаемые общества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с английского В. Николаева; Вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
6. Девис У. Нервные государства [перевод с английского Д. Лебедева]. М.: Издательство АСТ, 2021. 352 с.
7. Хант Л. Изобретение прав человека: история / пер. с англ. Н. Алёшиной. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 272 с.
8. Кампанелла Томмазо. Государство Солнца [перевод с латинского А.Г. Генкеля]; Бекон Френсис. Новая Атлантида [перевод с английского Е. Китаевой]. М.: Эксмо, 2020. 128 с.
9. Хаксли Олдос. О новый дивный мир [пер. с англ. О. Сороки]. М.: Издательство АСТ, 2017. 320 с.

References

1. Skorobogatov AS. *Obshchestvo kak dogovor mezhd sil'nymi i slabymi. Ocherki po ekonomike i istorii*. Moscow: HSE Publishing House; 2018. (In Russ.).
2. Gasanov IB. *Novyi Vavilon. Evolyutsiya gosudarstva – ot edinovlastiya k dvoenachaliyu*. Moscow: MediaPress Publ.; 2019. (In Russ.).
3. Boetius AMTS. *Utshenie filosofiei* [De consolatione philosophiae]. Transl. V. Ukolovoi, M. Tseitlina. Moscow: RIPOL Classic Publishing House; 2017. (Russian translation).
4. Vico G. *Osnovaniya novoi nauki ob obshchei prirode natsii* [Principi di una scienza nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni]. Moscow; 2018. (Russian translation).
5. Anderson B. *Voobrazhaemye obshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Transl. from English V. Nikolaeva, ed. S. Ban'kovskoi. Moscow: KANON-press-TS, Kuchkovo pole Publ.; 2001. (Russian translation).
6. Devis W. *Nervnye gosudarstva* [Nervous States: How feeling took over the world]. Transl. from English D. Lebedeva. Moscow: AST Publ.; 2021. (Russian translation).
7. Hunt L. *Izobretenie prav cheloveka: istoriya* [Inventing Human Rights: a History]. Transl. from English. N. Aleshinai. Moscow: New Literary Observer Publ.; 2023. (Russian translation).
8. Campanella T. *Gosudarstvo Solntsa* [The City of the Sun]. Bekon F. *Novaya Atlantida* [The New Atlantis]. Transl. from Latin AG. Genkelya, transl. from English E. Kitaevoi. Moscow: Eksmo Publ.; 2020. (Russian translation).
9. Huxley A. *O novyi divnyi mir* [Brave New World]. Transl. from English O. Soroki. Moscow: AST Publ.; 2017. (Russian translation).